

всего, безъ сомнѣнія, говорилъ, что никакого *своего* ученія у него, Федорова, нѣтъ, и ученіе, которое онъ излагалъ на словахъ и въ своихъ статьяхъ (изъ которыхъ только весьма немногія были напечатаны при его жизни, да и то по большей части безъ его вѣдома), есть подлинное ученіе Самого Христа, Спасителя Нашего, но понятое не какъ догмать только, а какъ заповѣдь, требующая исполненія, осуществленія въ жизни, т. е. требующая дѣла. Въ чемъ-же должно заключаться дѣло, которое отъ насъ требуется, это видно уже изъ того, что Христа мы называемъ Спасителемъ Нашимъ, потому что Христось приходилъ спасти насъ отъ смерти; а такъ какъ Христось приходилъ для этого на землю и самъ ради нашего спасенія сдѣлался человѣкомъ, то, очевидно, что спасеніе можетъ совершиться только чрезъ насъ самихъ, а не помимо насъ, и Христось приходилъ собственно, чтобы *призвать* самихъ насъ къ дѣлу нашего спасенія. Дѣло нашего спасенія требуетъ совокупныхъ силъ всѣхъ людей; въ этомъ и смыслъ ученія, по которому спастись возможно только въ церкви, т. е. не въ одиночку, а въ сообществѣ съ другими, стремящимися къ одной *общей цѣли* собравшимся цѣли, которая не можетъ быть другою, кромѣ нашего спасенія. Дѣлу нашего спасенія мы должны отдать всю нашу мысль, все наше разумѣніе, т. е. знаніе и искусство; это дѣло требуетъ всей жизни всѣхъ людей, всѣхъ— безъ всякихъ исключеній. Предать самихъ себя, другъ друга и всю жизнь нашу дѣлу нашего спасенія и значить предать себя Христу, Богу нашему. Дѣло нашего спасенія, совершаемое чрезъ самихъ людей, требуетъ отъ людей труда тяжкаго, труда вооруженнаго знаніемъ, и при томъ такимъ, которое по глубинѣ и широтѣ превосходитъ все, что мы теперь можемъ представить себѣ, такъ какъ, по мысли Н-лая Ф-ча, *если* люди, безъ всякихъ исключеній, должны сдѣлаться познающими и *все* обратить въ предметъ знанія. При этомъ и наука, будучи направляема дѣломъ всеобщаго спасенія отъ смерти,—въ чемъ и заключается вся наша религія,—наука, не теряя ничего, что и теперь имѣетъ, выиграетъ въ серьезности, въ дѣльности и избавится отъ задора, который вводитъ ее въ несвойственную ей область разрѣшенія вопросовъ о смыслѣ и цѣли, тогда какъ она, наука должна не разрѣшать эти вопросы, которые уже разрѣшены съ тѣхъ поръ, какъ люди стали умирать, а изыскивать пути, средства, способы къ избавленію насъ отъ страданій и смерти, къ устроенію Царства Божія, блаженной жизни. Призванная-же къ несвойственной ей роли разрѣшенія вопросовъ о смыслѣ и цѣли, наука и даетъ единственно возможный для нея отрицательный отвѣтъ, что нѣтъ ни смысла, ни цѣли нашего существованія. Поторопившись дать такой отвѣтъ, наука не замѣчаетъ, что этимъ и себя отрицаетъ, и себя обращаетъ въ праздное занятіе, въ науку для науки, потому что при бессмыслии существованія нѣтъ смысла и въ занятіи наукою: будемъ ѣсть будемъ пить, потому что завтра умремъ. Никакого другого тѣ а нѣ ромъ отрицательнаго, на вопросъ о смыслѣ и цѣли наука и дать не можетъ въ особенности при нынѣшнемъ ея еще зачаточномъ, можно сказать, состояніи, когда она не сдѣлалась еще трудомъ всѣхъ и вызвана не всеобщю нуждою, не всеобщю необходимостью, а есть лишь занятіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, наполняющихъ этимъ занятіемъ свой досугъ